

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Санкт-Петербургский Филиал Института Востоковедения РАН
www.orientalistics.ru

М. И. ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ,
Л. С. САВИЦКИЙ

Тибетоведение

Изучение Тибета в России началось с 20-х годов XVIII в., со времени обнаружения тибетских рукописей в буддийском монастыре Аблайн-хит на Иртыше. Находка рукописей вызвала большой интерес не только в кругах русских ученых, но и за рубежом, где тибетская письменность и тибетский язык были известны еще очень мало.

С первой четверти XVIII в. русская тибетология прошла длинный и трудный путь. Широта охвата материала и аспекты его исследования на отдельных этапах истории тибетоведения прежде всего обуславливались наличием достаточно подготовленных специалистов, общим ходом развития востоковедения в России и научными интересами самих тибетологов. Представляется возможным выделить пять периодов истории тибетологии в России: 1) с начала 20-х годов XVIII в. (первое знакомство с тибетскими рукописями) до 1829 г.; 2) с 1829 г. до 80-х годов XIX в. — начало интенсивного комплексного изучения Центральной Азии; 3) с 80-х годов XIX в. до 1917 г.; 4) с 1917 по 1941 г.; 5) после окончания Великой Отечественной войны.

20-е годы XVIII в. — 1829 г.¹ Этот период в истории тибетологии в России можно назвать подготовительным. Систематический сбор сведений по географии Тибета, его населению, языку, религии и литературе только начался. Изучение добытых материалов сводилось, как правило, к простому их описанию. Многие из тех, кто работал в этой области в эти годы, не только не были тибетологами, но даже не знали тибетского языка и письменности. Находка тибетских рукописей в монастыре Аблайн-хит поставила русских ученых перед необходимостью сделать эти рукописи достоянием мировой науки, попытаться расшифровать их и интерпретиро-

¹ Некоторые материалы для характеристики этого периода см.: А. И. Востриков, Ольденбург и изучение Тибета, — ЗИВАН, т. IV, стр. 69.

вать. Естественно, что за эту задачу проще и легче было взяться тем, кто мог войти в контакт с живыми носителями тибетского языка. Тибетские ламы жили среди калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. Среди них встречались и знатоки тибетской литературы, общение с которыми могло помочь в сборе необходимых сведений о Тибете.

Известный историк акад. Г. Ф. Миллер в 1735 г. посетил селенгинских бурят и познакомился с тибетским ученым из монастыря Чонэ, первым главой бурятского духовенства Агван-пунцогом. Пунцог перевел Миллеру на монгольский язык начало одного из листов тибетской рукописи из монастыря Аблайн-хит и транскрибировал этот текст монгольскими буквами. Миллер не знал монгольского языка, а потому переводчик Иностранной коллегии Петр Смирнов перевел ему монгольский перевод Агван-пунцога и транскрибировал текст русскими буквами. С русского перевода Миллер сделал латинский перевод, который и опубликовал вместе с тибетским оригиналом в 1747 г.² В этой работе Миллер описал развалины Аблайн-хита и поместил буддийские изображения, находившиеся в этом монастыре. Труд Миллера — первая страница русской тибетологии, первая попытка интерпретации тибетского текста в России.

В 70-х годах XVIII в. у селенгинских бурят побывал акад. П. С. Паллас. Он собрал у проживавших там тибетских лам любопытные сведения о географии, языке и религии Тибета. Большую помощь Палласу в общении с ламами оказал И. Ериг (переводчик АН, умер в 1795 г.), который настолько хорошо изучил монгольский и тибетский языки, что перевел для Палласа некоторые отрывки из тибетских литературных памятников. Паллас включил собранный материал и переводы Ерига в два своих основных труда, посвященных описанию бурят, монголов и тибетцев, населявших обширные пограничные районы Российской империи³. В частности, Паллас опубликовал составленное Еригом изложение первых восьми глав и начала девятой главы знаменитого тибетского апокрифического сочинения XV—XVI вв. «Маникабум». После отъезда Палласа Ериг продолжал самостоятельно работать в Кяхте, составил словарь и грамматику монгольского языка, а также подготовил несколько переводов с тибетского и краткий очерк грамматики тибетского языка, которые остались неопубликованными⁴.

² G. F. Müller, *De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio*, — *Comment. Acad.*, t. X, 1738, (1747), стр. 420—468.

³ P. S. Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, II Th., *Sammlung über den Götzendienst, die Geisteslichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der mongolischen Völkerschaften*, hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellehre und damit verknüpfte Hierarchie, St.-Pbg., 1801.

⁴ Работы Ерига и его письма хранятся в АВ (ф. 21). Перечень этих

Миллер, Паллас и Ериг во время своих путешествий собрали первую коллекцию тибетских и монгольских рукописей и ксилографов, которая была передана в АН. Ериг составил и опубликовал первый список тибетских, монгольских и санскритских рукописей и ксилографов, которые находились в это время в АН⁵.

В европейской науке деятельность Миллера, Палласа и Ерига пробудила интерес к тибетскому языку и письменности и подготовила переход к более интенсивному научному изучению Тибета.

1829 г. — 80-е годы XIX в. Научное изучение тибетского языка и литературы в России начинается с 1829 г., когда в состав АН был избран Яков Иванович Шмидт (1779—1847, род. в Амстердаме, с 1829 г. адъюнкт, с 1833 г. ординарный академик). Крупнейший специалист своего времени в области монгольского и тибетского языков, Шмидт пришел в науку после трехлетнего периода коммерческой деятельности среди волжских калмыков. У тибетских лам, проживавших среди калмыков, Шмидт сумел собрать ценные сведения по тибетскому языку, литературе, истории и религии Тибета. Работа в Поволжье послужила для Шмидта хорошей школой монгольского и тибетского языков. Придя в АН уже в зрелом возрасте, полный сил и энергии, Шмидт создал труды, положившие начало русской тибетологии как науке⁶.

Первые его работы посвящены проблемам происхождения тибетской письменности и специфики тибетского языка и письменности сравнительно с индийскими. Положения, высказанные Шмидтом относительно происхождения тибетского письма от одной из разновидностей северного индийского брахми, в значительной мере не поколеблены и до наших дней. Шмидт впервые установил единственно правильный, принятый после его работ во всем мире принцип расположения слов в тибетских словарях, исходящий не из первого по местоположению знака в слове, а из первого корневого знака. Этот принцип сформулирован уже в ранних статьях Шмидта⁷, подготовивших грамматику и словарь тибетского

материалов опубликован: *Dogn. As. Mus.*, стр. 122. См. также: Н. В. Кюнер: *Описание Тибета*, т. II, вып. I, Владивосток, 1908, стр. 87—88.

⁵ *«Journal für Rußland, hrsg. von J. Busse»*, Bd II, St.-Pbg., 1794. В этом списке упомянуто 258 сочинений. Названия сочинений не приводятся.

⁶ J. Schmidt, *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*, St.-Pbg., 1824. Обзор монголоведения и тибетологии 20—30-х годов Шмидт дал в статье «Ueber den Nutzen des Studiums der Orientalischen Sprachen überhaupt, und in besonderer Beziehung auf Rußland», — *St. Petersburg. Zeitung*, 1829, № 17.

⁷ I. J. Schmidt, *Über den Ursprung der tibetischen Schrift*, — *Mém.*, VI sér., t. I, 1832, стр. 41—54; его же, *Über einige Eigentümlichkeiten der tibetischen Sprache und Schrift*, — *Bull. sc.*, t. III, 1838, стр. 225—231.

языка. Тибетская грамматика была опубликована Шмидтом через пять лет после издания первой научной (в отличие от европейских миссионерских) грамматики, составленной венгерским ученым Чома де Кёрёши⁸, и обнаруживает знакомство автора с этой работой⁹. Следует отметить, что материал для грамматики Шмидт черпал из изученных им самим памятников тибетской литературы, система изложения материала также была продумана и подготовлена самостоятельно уже в его первых работах.

За грамматикой последовал словарь тибетского языка, включивший в себя разнообразную и довольно значительную по объему лексику — результат росписи автором важнейших из известных в то время тибетских литературных памятников¹⁰. Несмотря на то что позднее появились более полные словари Х. А. Ешке и С. Ч. Даса, словарь Шмидта не утратил своего значения, поскольку в нем можно найти лексику, не представленную в других словарях.

Ряд работ Шмидта посвящен истории буддизма. Важнейшая из них — опубликованное в 1830 г. исследование основных положений буддизма¹¹. Большое внимание Шмидт уделял изданию памятников тибетской литературы и письменности; он опубликовал тибетский текст и перевод пользующегося широкой популярностью в Тибете сборника джатак «Дзан-лун» («Мудрый и глупый») ¹²; по его инициативе был литографски отпечатан каталог к нартанскому Канджур, поступивший в АМ в составе коллекции П. Л. Шиллинга¹³.

Благодаря стараниям Шмидта значительно пополнилось собрание тибетских рукописей и ксилографов АМ, в частности поступили две крупнейшие коллекции (свыше 3 тыс. экземпляров) тибетских ксилографов П. Л. Шиллинга (в 1835 и 1848 гг.). Совместно с О. Бетлингом Шмидт составил каталог тибетских рукописей и ксилографов АМ¹⁴.

Труды Шмидта положили начало русской тибетологии. Они были первой попыткой научного осмысления истории культуры и письменного наследия народов окраин царской России — калмыков и бурят, для которых тибетский язык

⁸ Csoma de Kőrös, A Grammar of the Tibetan Language in English, Calcutta, 1834.

⁹ Я. И. Шмидт, Грамматика тибетского языка, СПб., 1839 (немецкий перевод: Grammatik der tibetischen Sprache, St.-Pbg., 1839).

¹⁰ Я. И. Шмидт, Тибетско-русский словарь, СПб., 1843 (немецкий вариант: Tibetisch-deutsches Wörterbuch nebst deutschem Wortregister, St.-Pbg., 1841).

¹¹ I. J. Schmidt, Über einige Grundlehren des Buddhismus, — Mém., VI sér., t. I, 1832, стр. 89—120, 221—262.

¹² «Dzanglung oder der Weise und der Thor», th. I—II, St.-Pbg. — Lpz., 1843.

¹³ «Kandjur oder der Index des Kandjur», St.-Pbg., 1845.

¹⁴ I. J. Schmidt und O. Boehtlingk, Verzeichniss der tibetischen Handschriften, — Bull. hist.-phil., t. IV, 1847, № 6—8, стлб. 81—125.

и литература были действенным средством связи с буддийским миром.

Значительную роль в развитии тибетологии сыграл перевод Н. Я. Бичуриным глав, посвященных Тибету, из китайских исторических сочинений «Нянь-сань-ши» и «Тунь-цзянь-ган-му»¹⁵.

Труды Шмидта были продолжены в АН А. А. Шифнером (1817—1879).

Шифнер был, пожалуй, единственным среди первых русских тибетологов, кто изучал тибетский язык и литературу самостоятельно, а не в процессе общения с тибетскими ламами. Одновременно Шифнер успешно занимался индологией и был автором нескольких крупных исследований в этой области. Научные интересы Шифнера были весьма широки. Он занимался тибетской грамматикой, публикацией тибетских памятников, исследованиями по истории и литературе Тибета, буддизмом и буддийскими источниками. В своих лингвистических штудиях Шифнер в отличие от Шмидта не стремился к описанию тибетской грамматической системы в целом или к составлению практических пособий для изучения тибетского языка. Он пытался подойти к исследованию отдельных фактов тибетского языка с позиций современного ему европейского языкознания. Ряд статей Шифнера посвящен вопросам тибетской фонетики и морфологии. Он впервые дал описание тибетского вокализма и консонантизма и высказал свои предположения о происхождении и функциях тибетских префиксов. Многие из этих заключений не опровергнуты и в наши дни и получили дальнейшее развитие в трудах тибетологов последующих поколений. Интересовали Шифнера и функции тибетских частиц как грамматических формантов¹⁶, а также морфологическая структура слова¹⁷.

Труды Шифнера по буддизму представляют собой издания отдельных памятников буддийской литературы (целиком или в отрывках), буддийских словарей, а также избранных сочинений тибетских авторов по истории распространения буддизма. Одним из первых его исследований по буддизму была биография Будды Шакьямуни, написанная на основе тибетских источников¹⁸. Шифнер подготовил к изданию тексты нескольких сутр канонической тибетской литературы¹⁹.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, История Тибета и Хухунора, ч. I—II, СПб., 1833.

¹⁶ A. Schiefner, Tibetische Studien. I—IV, —Bull. hist.-phil., t. VIII, 1851; «Über Pluralbezeichnungen im Tibetischen», St.-Pbg., 1877.

¹⁷ A. Schiefner Über eine eigentümliche Art tibetischer Composita, — Bull. hist.-phil., t. XIV, 1857, стр. 125—128.

¹⁸ «Eine tibetische Lebensbeschreibung Cakjamuni's, des Begründers des Buddhathums, im Auszuge deutsch mitgetheilt von A. Schiefner», — Mém. de div. sav., t. VI, 1851.

¹⁹ См., например: A. Schiefner, Das buddhistische Sutra der zwei und vierzig Sätze, — Bull. hist.-phil., t. IX, 1852, стр. 65—78.

Одновременно с В. П. Васильевым он опубликовал немецкий перевод «Истории буддизма» тибетского автора конца XVI—начала XVII в. Таранатхи²⁰.

Шифнер издал буддийский санскритско-тибетско-монгольский словарь, отпечатав его с досок, привезенных Шиллингом²¹. Много внимания Шифнер уделял изучению тибетского буддийского канона — Канджура и Танджура. В Танджуре его более всего привлекали сочинения по логике, медицине, грамматике — вклад тибетских ученых в буддийскую Трипитаку²². Канджур интересовал Шифнера с точки зрения бытования буддийских литературных сюжетов на тибетской почве, их интерпретации и обработки. Он подготовил к изданию сборник индийских по происхождению историй в тибетской обработке. Опубликованный уже после его смерти в Лондоне²³, этот сборник был высоко оценен европейским востоковедением. Ряд работ Шифнера посвящен исследованию развития отдельных сюжетов в буддийской литературе²⁴.

Стараниями Шифнера коллекция тибетских рукописей и ксилографов АМ увеличилась столь значительно, что уже в 1848 г. ему пришлось составить дополнение к каталогу Шмидта и Бётлингга²⁵.

Академия наук не раз брала на себя издание лингвистических материалов экспедиций зарубежных ученых, организованных Географическим обществом. Большая заслуга в этом принадлежит Шифнеру, подготавливавшему издания, благодаря которым ценнейшие материалы становились достоянием науки и нередко приводили к возникновению новых отраслей языкознания²⁶.

Почти одновременно с Шифнером развивалась деятельность замечательного русского тибетолога и китаевода акад. В. П. Васильева.

²⁰ A. Schiefner, Tāranātha's Geschichte des Buddhismus in Indien, St.-Pbg., 1869.

²¹ «Buddhistische Triglote d.h. sanskrit-tibetisch-mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus dem Nachlass des Barons Schilling stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner», St.-Pbg., 1859.

²² «Über die logischen und grammatischen Werke im Tanjur», — Bull. hist.-phil., t. IV, 1847, стлб. 284—288.

²³ A. Schiefner, Tibetan Tales Derived from Indian Sources, London, 1882, 1906.

²⁴ См., например: A. Schiefner, Mahākātājāna und König Tshanda-Pradjota. Ein Cyklus buddhistischer Erzählungen, St.-Pbg., 1875.

²⁵ «Nachträge zu den von O. Böttlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum», — Bull. hist.-phil., t. V, 1848, стлб. 145—151.

²⁶ A. Schiefner, A. Castrén, Alexander Castrén's Grammatik, St.-Pbg., 1854; они же, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, St.-Pbg., 1856 и др. См.: Ливотова, Португаль, № 1708, 1716, 1718, 1721 и др.

Заслуга Васильева заключается в том, что, выдвинув впервые в мире проблемы научного изучения буддизма, он тем самым подготовил возможность появления в России буддологической школы Ф. И. Щербатского, которая зародилась в стенах ФВЯ и АМ, но настоящее развитие получила только после 1917 г.

80-е годы XIX в. — 1917 г. Интерес к изучению Тибета в России усилился в последней четверти XIX в. Предпринимается несколько успешных путешествий в Тибет (О. Норзунов, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн) и экспедиций для исследования Центральной Азии и Тибета (Г. Н. Потанин, Г. Е. и А. Г. Грум-Гржимайло, В. А. Обручев, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов и др.). Последние годы XIX в. и первое десятилетие XX в. явились временем бурного развития центральноазиатской филологии и буддологических штудий во всем мире. Памятники, приобретенные у местного населения, и особенно работы английских, французских, немецких, русских, шведских и японских экспедиций в Восточный Туркестан дали богатейший материал для изучения письменности, языков, истории и культуры народов, населявших некогда Центральную Азию. В обработку и исследование вновь открытых памятников включились ученые многих стран — китайцы, индологи, иранисты, тюркологи. Восточнотуркестанские находки вызвали к жизни новую дисциплину — центральноазиатскую филологию — комплексную науку, одним из звеньев которой стала тибетология. Тибетские документы из Восточного Туркестана, изданные О. Франке и Ф. Томасом, впервые дали материал для исследования старейшего периода тибетского языка, засвидетельствованного письменностью (VIII в.). Тибетские памятники стали привлекаться для интерпретации переводов буддийских сочинений не только на китайский и уйгурский языки, но и на хотано-сакский и согдийский — иранские языки, бытовавшие на территории Центральной Азии в первом тысячелетии н. э.

Русские ученые, связанные с изучением Тибета, его культуры, истории и языка, по праву заняли видное место в блестящей плеяде ученых, вовлеченных в круг занятий центральноазиатской филологией. Организатором школы русских тибетологов стал акад. С. Ф. Ольденбург, ее научным руководителем акад. Ф. И. Щербатской.

Развитие тибетологии в России в этот период было связано прежде всего с путешествиями в Тибет бурятских ученых Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна, созданием серии «Библиотека буддизма» и деятельностью ученых, связанных с этой серией.

Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) окончил факультет восточных языков Петербургского университета

в 1899 г. До поступления в университет он много путешествовал по Монголии. АН и РГО остановили свой выбор на Цыбикове как наиболее подходящем кандидате для путешествия в Тибет и сбора сведений по географии и этнографии этой страны. Большое значение имело и то обстоятельство, что молодой ученый был бурятом: это облегчало ему проникновение в Тибет в качестве паломника. Другой задачей, поставленной перед Цыбиковым, было приобретение оригинальных тибетских рукописей и ксилографов. Обе возложенные на него задачи Цыбиков успешно выполнил. Он пробыл в Тибете в общей сложности почти два с половиной года (ноябрь 1899 г. — май 1902 г.). За это время он посетил крупные монастыри Северо-Восточного и Центрального Тибета.

Результаты поездки Цыбикова нашли отражение в его предварительном сообщении «О Центральном Тибете» (прочитано в качестве отчетного доклада о путешествии на общем собрании членов РГО 7/20 мая 1903 г.)²⁷, в монографии²⁸, увидевшей свет уже после революции, и в оставшемся неопубликованным путевом дневнике²⁹. Книга Цыбикова — интереснейший научный труд, содержащий не только описание его путешествия, но и сведения по истории, этнографии, географии и литературе Тибета. О значении книги для тибетологии и для русской науки вообще можно судить уже по тому факту, что подготовителями и редакторами ее были такие выдающиеся ученые, как С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и секретарь Географического общества А. В. Григорьев. Не менее важным результатом поездки Цыбикова явилась коллекция тибетских ксилографов (333 тома), переданная в АМ и содержащая важнейшие сочинения наиболее известных тибетских авторов³⁰.

Следующее путешествие в Тибет по заданию АН было предпринято Бадзаром Бадзаровичем Барадийным (1878—1939). Инициатива подготовки вольнослушателя гуманитарных факультетов Петербургского университета бурята Барадийна к путешествию в Тибет принадлежала С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому (поездку предполагалось осуществить на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии)³¹. Перед Барадийным была поставлена задача углубленного изучения тибетского буддизма и дальнейшего обследования монастырских библиотек. С июня

²⁷ ИРГО, вып. 3, т. XXXIX, 1903, стр. 187—218.

²⁸ Г. Ц. Цыбиков, Буддист-паломник у святынь Тибета, Пг., 1919.

²⁹ Хранится в рукописном фонде БКНИИ, см.: Б. В. Семичов, Г. Ц. Цыбиков — исследователь Тибета, Улан-Удэ, 1957, стр. 20 и сл.

³⁰ Список памятников, привезенных Цыбиковым, опубликован в ИИАН, сер. V, т. XXI, 1904, стр. 01—07.

³¹ Протокол № 2, заседания РКСА, СПб., 1903, стр. 2.

1906 по январь 1907 г. Барадийн совершил поездку в Лавран, которая нашла отражение в его дневниках³² и в книге (перевод тибетского памятника с предисловием и комментариями)³³. В дневниках содержится подробное описание монастыря Лавран, быта его обитателей, а также много сведений о тибетской литературе, буддийской философии и системе монгольского образования. Из Лаврана он привез около 200 томов сочинений тибетских авторов (главным образом издания монастыря Лавран), пополнивших фонды тибетских рукописей и ксилографов АМ³⁴. Краткий предварительный отчет о поездке Барадийна был опубликован С. Ф. Ольденбургом в 1908 г.³⁵.

Путешествия Цыбикова и Барадийна в Тибет проходили в тот же период, когда в Восточном Туркестане действовали экспедиции ряда западноевропейских стран. В оазисах Центральной Азии были открыты памятники буддийской литературы, в том числе и части канона, не сохранившиеся в Индии и считавшиеся утраченными безвозвратно. Находки этих текстов, а также изучение тибетских Канджура и Танджура и китайской Трипитаки позволили по-новому подойти к изучению истории буддизма, его философии и литературы, к исследованию путей сложения и эволюции буддийского канона.

С целью ввести в науку вновь открытые буддийские тексты АН по инициативе С. Ф. Ольденбурга приступила с 1897 г. к изданию серии «Библиотека буддизма», бессменным руководителем и редактором которой был сам Ольденбург. Он сумел привлечь к участию в изданиях серии крупнейших специалистов всего мира: Ф. И. Щербатского, Е. Е. Обермиллера, О. О. Розенберга, В. В. Радлова, С. Е. Малова, С. Леви, Г. Керна, Л. Валле-Пуссэна, Вогихара, Д. Росса, М. Валлезера и многих других. 14 из 32 томов этой серии посвящены изданию памятников тибетского буддизма (тибетский текст как основной или тибетский параллельно с санскритским), а также материалам по истории буддизма в Тибете. Ряд томов готовил сам Ольденбург. Так, он извлек из коллекции Шиллинга альбом буддийской иконографии, выполненный по заказу Шиллинга бурятским художником и воспроизводящий тибетский ксилограф XVIII в. (последний был издан тибетским ученым Чжанчжа Ролпи-дордже, 1717—1786), снабдил его тибетским алфавитным индексом

³² АВ, ф. 87, оп. 1, № 29, 31.

³³ Б. Б. Барадийн, Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, — Л., 1924 (ВВ, т. XXII).

³⁴ Список нескольких привезенных памятников опубликован: ИИАЦ, VI сер., т. II, 1908, стр. 1310.

³⁵ ИРКАС, 1908, № 8, стр. 17—21.

(составили Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадийн)³⁶. Этим сборником широко пользовались как справочником при определении коллекций буддийских изображений, хранящихся в европейских музеях. Ольденбург оказал большую поддержку немецкому ученому проф. А. Грюнведелю в осуществлении предпринятого им описания крупнейшего собрания буддийских изображений и предметов ламаистского культа, принадлежавших Э. Э. Ухтомскому, и перевел часть книги Грюнведеля, опубликованную в «Библиотеке буддике»³⁷.

Большая заслуга в превращении «Библиотеки буддике» в крупнейшую в мире буддологическую серию принадлежит Ф. И. Щербатскому, — основоположнику нового направления в исследованиях, направления, устремленного прежде всего на изучение философии буддизма в связи и на фоне индийской философии. Особое внимание уделял он исследованию параллельных версий — санскритских и тибетских, — а также индийских и тибетских комментариев к ним³⁸.

Одной из первых крупных работ Щербатского для «Библиотеки буддике» было исследование трактата по буддийской логике индийского ученого Дхармакирти, сопровождаемое изданием санскритского и тибетского текстов³⁹. Трудом Дхармакирти посвящено и исследование тибетского перевода другого его сочинения, подготовленного Щербатским для «Библиотеки буддике»⁴⁰. Для исследования знаменитого сочинения Васубандху «Abhidharmakośa» Щербатский создал международную группу, в которую вошли О. О. Розенберг, С. Леви, Л. Валье-Пуссен, Вогиара и Д. Росс. Введение в науку трудов Васубандху имело принципиально важное значение для систематического изучения буддийской философии. Тибетский перевод трактата Васубандху и комментариев к нему увидел свет благодаря стараниям Щербатского⁴¹.

Большую помощь в интерпретации буддийских текстов оказали Щербатскому общение с индийскими и тибетскими

³⁶ «Сборник изображений 300 бурханов по альбому Азиатского музея имп. АН. С примечаниями», ч. I. Рисунки и указатели, СПб., 1903 (ВВ, т. V).

³⁷ А. Грюнведель, Обзор собрания предметов ламаистического культа, ч. I. Тексты, ч. II. Рисунки, СПб., 1905 (ВВ, т. VI).

³⁸ Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I—II, СПб., 1903—1909.

³⁹ Ф. И. Щербатской, Nyāyabindu. Буддийский учебник логики, СПб., 1904 (ВВ, т. VII); СПб., 1909 (ВВ, т. XI).

⁴⁰ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод сочинений Samtanantarasiddhi Dharma-kirti и Samtanantarasiddhiti Vinitadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Арван Дандарлхарампой, Пг., 1916 (ВВ, т. XIX).

⁴¹ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод Abhidharmakośakarikaḥ и Abhidharmakośabhāṣyaṇi сочинений Васубандху, ч. I—II, Пг., 1917—1930 (ВВ, т. XX).

учеными, знакомство с монастырской системой образования на месте, в монастырях и дацанах, личное участие в диспутах на религиозно-философские темы, беседы с тибетскими ламами во время научной командировки в Индию в 1910—1911 гг.

В 1909—1910 гг. состоялась первая поездка С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Второй раз в Восточном Туркестане Ольденбург был с экспедицией в 1914—1915 гг. В результате этих поездок АН приобрела богатейшую коллекцию тибетских и китайских рукописей из Дуньхуана⁴². Дуньхуанские рукописи, датируемые IV—XI вв. н. э., дали в руки исследователей буддизма ранние махаянские тексты, которые позволили установить первоначальный текст некоторых буддийских произведений и выявить время их позднейших обработок⁴³.

Ольденбург вел большую библиографическую работу по Тибету⁴⁴. В 1893 г. он опубликовал рецензию на работу К. Маркса, миссионера в Ладаке, издавшего перевод тибетского текста-диалога между Хашан-джалпо и Угтадом. Ольденбургу принадлежат также рецензии на сборник статей А. В. Потаниной о путешествиях по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, на каталог Танджура, опубликованный Г. Хутом, «Географию Тибета» Минчжул Хутухты, изданную В. П. Васильевым. В 1908 г. Ольденбург опубликовал рецензию на изданный В. В. Рокхилом отчет о путешествии в Тибет Сарат Чандра Даса. С 1904 по 1909 г. Ольденбург регулярно помещал в ЖМНП критические обзоры новейшей русской и иностранной литературы по Тибету. В общей сложности им было отрецензировано 28 книг, попутно были привлечены к рассмотрению около сотни старых и новых печатных работ о Тибете. В своих обзорах Ольденбург собрал и критически оценил заметки путешественников по Тибету; эти обзоры до сих пор могут служить руководящим пособием для каждого, кто изучает путешествия в Тибет.

1917—1941 гг. Создание школы тибетологов — учеников Ф. И. Щербатского происходило уже после Октябрьской революции. В 20-х годах сформировалась группа талантливых молодых ученых, выпускников Ленинградского университета,

⁴² Тибетские рукописи из Дуньхуана (до 200 свитков, написанных по образцу китайских) хранятся в РО ЛО ИВ и специально не исследовались; китайские рукописи в настоящее время обрабатываются. См.: М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спирин, С. А. Школяр, Китайские рукописи из Дуньхуана, I, М., 1963; II, М., 1967.

⁴³ Палеографические данные позволяют датировать каждую рукопись довольно точно, в пределах двух веков.

⁴⁴ Подробно об этом и библиографию работ Ольденбурга см.: А. И. Востриков, Ольденбург, стр. 76—80.

деятельность которых протекала главным образом в АМ и Институте буддийской культуры АН. Созданный в 1927 г. ИНБУК был призван решить новые задачи, вставшие перед советской буддологией (подробнее см. Введение, стр. 41—42).

Среди тибетологов, научные интересы которых определились в эти годы, следует отметить Е. Е. Обермиллера, М. И. Тубянского, А. И. Вострикова и Б. В. Семичова. Е. Е. Обермиллер (1901—1935) был несомненно наиболее выдающимся учеником Щербатского. В 1934 г. в отзыве о его трудах Щербатской писал: «Среди исследователей этой (тибетской. — М. Д., Л. С.) литературы труды Е. Е. Обермиллера, список коих прилагается, представляют совершенно исключительное явление. Они обратили на себя внимание всех историков этой отрасли как в Европе и Америке, так и в азиатских странах, — Индии, Японии, Китае и Монголии. Е. Е. Обермиллер несомненно является лучшим знатоком тибетской литературы, авторитетом в этой области, которому равных нет... Знание источников у него имеется в таком обширном размере, с коим никто поспорить не может»⁴⁵. В 1934 г. Обермиллер был избран почетным членом «Greater India Society», («Общество Великой Индии»), председателем которого был Рабиндранат Тагор. 5 января 1935 г. постановлением Президиума АН Обермиллер был удостоен ученой степени доктора литературоведения за труды по древнеиндийской литературе.

Обермиллер, учившийся на Естественном отделении Физико-математического факультета Петроградского университета, в 1918 г. вынужден был прервать учебу из-за отсутствия средств. Только в 1922 г. он вернулся в университет и в 1925 г. окончил Отделение языка и литературы Факультета общественных наук по Дальневосточной секции. В 1926—1927 гг. Обермиллер шесть раз командировался АН в БМ АССР для обследования дацанов. В 1927 г. Обермиллер опубликовал свой первый научный труд — санскритско-тибетский индекс к сочинениям Ньяябинду и Ньяябиндута, изданным в серии «Библиотека буддиста» Щербатским. В 1929 г. вышла вторая часть этой работы — тибетско-санскритский индекс⁴⁶. В октябре 1928 г. Обермиллер был зачислен в ИНБУК на должность ученого секретаря Монгольской секции (кроме Обермиллера в ИНБУКе тибетологией занимались Б. В. Семичов, А. И. Востриков, Е. Р. Козеровская и китаист Б. А. Васильев). В эти годы Обермиллер совместно со Щербатским работал над изучением важнейшего трактата

⁴⁵ АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁶ E. E. Obermiller, Indices Verborum Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit to the Nyāyabindu of Dharmakīrti and the Nyāyabindutīkā of Dharmottara, I, 1927; II, 1929; (BB, XXIV, XXV).

по философии Махаяны Абхисамайаламкара⁴⁷. С 1930 г. Обермиллер по состоянию здоровья вынужден был уйти со штатной работы, но продолжал сотрудничать до 1934 г. в ИВ на договорных началах. В 1934 г. он был зачислен в штат института в качестве ученого специалиста, в 1935 г., за день до своей смерти, был переведен в старшие ученые специалисты. Болезнь, так рано унесшая одного из крупнейших буддологов, впервые дала о себе знать еще в 1923 г. и быстро прогрессировала. В последние годы жизни Обермиллер не мог без посторонней помощи не только передвигаться, но и писать.

С 1927 по 1935 г. Обермиллер написал 30 работ, из них 13 монографий общим объемом более 100 печ. л. 10 работ остались незавершенными⁴⁸. Публикации и исследования Обермиллера по истории Тибета и тибетской литературе, работы по философии различных тибетских школ и направлений отличаются ясностью изложения и безупречной научной точностью. Основная масса работ приходилась на 30-е годы, когда Обермиллер сотрудничал в Индо-тибетском кабинете ИВ под руководством Щербатского. В 1931—1932 гг. Обермиллер работал над переводом с тибетского «Истории буддизма в Индии и Тибете» Бутона (1290—1364). Перевод сопровождался подробным комментарием с привлечением других тибетских и индийских источников и положил начало изучению истории буддизма в Тибете по местным источникам⁴⁹. Не ограничиваясь публикацией тибетского текста Абхисамайаламкара в «Библиотеке буддника», Обермиллер написал исследование этого трактата, посвятив его изучению доктрины Праджняпарамиты⁵⁰. Анализу Абхисамайаламкара посвящено и другое крупное исследование Обермиллера, вышедшее в 1933—1936 гг. отдельным изданием⁵¹. Одно из главных мест среди работ Обермиллера занимает исследование буддийского монизма, написанное на основе тибетского сочинения Уттаратантра и комментариев к нему (Уттаратантра-вйакхья)⁵². Тибетские тексты этих сочинений (с выдерж-

⁴⁷ Th. Stcherbatsky, E. E. Obermiller, *Abhisamayālaṃkāra-Prajñāparāmītā-Upadeśa-Sāstra*, The work of Bodhisattva Maitreya. Fasc. 1, Introduction, Sanskrit Text and Tibetan Translation, London, 1929 (BB, г. XXIII).

⁴⁸ Список трудов Обермиллера см.: АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁹ E. Obermiller, *History of Buddhism* (chos-hbyung) by Bu-ston, pt. I, II, Heidelberg, 1931-32. К этой теме Обермиллер вернулся в статье «Bu-ston's History of Buddhism and the Mañjuśrī-mūla-tantra», — JRAS, april, 1935, стр. 299—306.

⁵⁰ E. E. Obermiller, *The Doctrine of Prajñā-parāmītā as exposed in the Abhisamayālaṃkāra of Maitreya*, — AO Bud, vol. XI, 1932, стр. 1—132; vol. XII, 1933, стр. 334—354.

⁵¹ E. E. Obermiller, *Analysis of the Abhisamayālaṃkāra*, I—II, Calcutta — London, 1933-36.

⁵² E. E. Obermiller, *The Sublime Science of the Great Vehicle to Salvation*, — AO Bud, vol. IX, 1931, стр. 105—117.

ками из комментариев на них Джал-цаб Дхарма-ринчена) были переведены Обермиллером, но остались неопубликованными.

Ряд статей Обермиллера посвящен анализу философских категорий буддизма по индийским и тибетским источникам. Среди них весьма важны работы о нирване⁵³ и о двадцати аспектах термина «шуньята»⁵⁴. Установленные в этих статьях значения буддийских терминов приняты в трудах всех русских исследователей буддизма, вышедших из школы Щербатского, а также и в зарубежной буддологии.

Помимо индексов к сочинениям Дхармакирти и изданию текста и исследования Абхисамайаламкара для «Библиотеки буддизма» Обермиллер подготовил критическое издание санскритского и тибетского текстов Ратна-гуна-самчайя, увидевшее свет уже после его смерти⁵⁵.

Изучая философские школы и направления буддизма в Тибете, Обермиллер большое внимание уделял реформатору тибетского буддизма Цзонкхаве и его философским взглядам. Цзонкхаве посвящена статья «Цзонкхава-пандит»⁵⁶, а также оставшийся незавершенным перевод сочинения Цзонкхавы «Легшад-нъингпо» с приложением исследования диалектических систем буддийской философии. Среди незавершенных работ Обермиллера многие сохраняют значение и для современной науки. Так, он подготовил критическое издание текста сочинения Харибхадры «Абхисамайаламкаралока», издание, примыкающее к серии его работ, посвященных Абхисамайаламкаре. Ученый предполагал издать непальскую рукопись санскритского текста Бхавана-крама (из собрания ИВ) с параллельным тибетским текстом из Танджура и подготовил вступительную статью⁵⁷. Он собирал материалы для работы о тибетских медицинских сочинениях⁵⁸. Специально занимаясь тибетской литературой, Обермиллер своими работами выдвинул советскую тибетологию на первое место в мировой науке.

Другим учеником Ф. И. Щербатского был М. И. Тубянский (1893—1943), соединявший в своем лице тибетолога-буддолога, специалиста по древнеиндийской и бенгальской

⁵³ E. E. Obermiller, *The Account of Buddha's Nirvāṇa and the First Council According to the Vinayaśūdraka*,— *INQ*, VIII, 1932, стр. 781—784.

⁵⁴ E. E. Obermiller, *A Study of Twenty Aspects of Śūnyatā*,— *INQ*, IX, 1933, стр. 170—187.

⁵⁵ E. E. Obermiller, *Prajñāparāmītā-ratna-guṇa-saṃcaya-gāthā*, Sanskrit and Tibetan texts, М.—Л., 1937 (BB, XXIX).

⁵⁶ E. E. Obermiller, *Tsoṅ-kha-pa le Pandit*,— «Mélanges chinois et bouddhiques», vol. III, 1935, Bruxelles, стр. 319—338.

⁵⁷ Рукопись *Bhāvanā-krama* и статья Обермиллера опубликованы, см.: Э. Н. Темкин, Б. И. Панкратов, Бхаванакрама, М., 1960.

⁵⁸ АВ, ф. 100, оп. 1, № 57 (2 тетради).

литературе, по индийским языкам, а также монголиста. Тубянский окончил Факультет восточных языков Петроградского университета в 1919 г. С 1920 по 1927 г. работал научным сотрудником АМ и одновременно преподавал в ЛИЖВЯ и университете санскрит, бенгали и хинди. В 1927 г. он был командирован АН для работы в Монгольскую Народную Республику и пробыл там до 1936 г., сначала в качестве научного сотрудника Тибетоведческого кабинета Научно-исследовательского комитета МНР (Учком), а с 1930 г. — ученого секретаря этого комитета. За большие заслуги и помощь в развитии науки в МНР Тубянский был награжден монгольским правительством орденом Труда 1-й степени. По возвращении из Монголии он был зачислен (с 15 апреля 1937 г.) старшим научным сотрудником ИВ.

Часть материалов, собранных Тубянским в МНР, а также некоторые работы, написанные в годы его пребывания в Монголии, остались в Улан-Баторе, и судьба их неизвестна. Материалы, привезенные из Монголии, он не успел подготовить к изданию и опубликовать, и все они, очевидно, безвозвратно утрачены. Из работ Тубянского доступны только те, которые были опубликованы до его отъезда в Монголию. В АВ сохранились некоторые материалы Тубянского; по ним, а также по отчетам, представленным им о работе в Монголии, и по документации Индо-тибетского кабинета за 1937 г. можно судить о широте тематики его исследований.

В 20-е годы Тубянский занимался изучением буддийского трактата по логике Нйайаправеша и комментариев к нему Шишьяхита. Он подготовил для «Библиотеки буддизма» исследование этого трактата, содержащее введение (попытка установления авторов трактата), а также китайскую и тибетскую версии и трехязычные индексы терминов. Работа была сдана в издательство АН и в 1926 г. частично набрана, однако книга так и не вышла в свет⁵⁹. Проблема авторства Нйайаправеша Тубянский в 1926 г. посвятил специальную статью⁶⁰. В это же время Тубянский по поручению АН начал разбор рукописных материалов В. П. Васильева и издал «Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского»⁶¹. Работа эта была продолжена в 1937 г., после возвращения Тубянского из Монголии. В этот период под руководством Щербатского был подготовлен проспект новой серии исследования памятников индийской и тибетской литературы, которую предпо-

⁵⁹ Гранки тибетского (21 стр.) и китайского (76 стр.) текстов хранятся в АВ, ф. 53, оп. 1, № 50.

⁶⁰ М. I. Tubyanskiy, On the Authorship of Nyāyapraveśa, — ИАН, VI сер., т. XX, № 10—11, 1926, стр. 975—982.

⁶¹ ДАН-В, № 2, 1927, стр. 59—64.

лагалось именовать «Библиотека индо-тибетика». Тубянскому было поручено подготовить для этой серии выпуск, посвященный обзору китайских и тибетских переводов памятников круга винан (по рукописям В. П. Васильева), но эта работа не была осуществлена.

В Монголии Тубянский собирал материалы для своей диссертации «Древнеиндийский материализм (по тибетским источникам)», которую он не успел завершить. Он принимал участие в работе монгольских ученых по составлению тибетско-монгольского словаря и написал для него 10 тыс. карточек, которые остались в Монголии. После возвращения на родину Тубянский продолжил эту работу, и по его инициативе АН приняла предложение Научно-исследовательского комитета МНР о совместной подготовке Большого тибетско-монгольского словаря. Словарь был включен в план ИВ, но в 1938 г. работа над ним прекратилась.

В Монголии же Тубянский подготовил «Словарь-справочник по индийской и тибетской медицине» (остался в Монголии). Одновременно он занимался изучением тибетского ламаизма, причем более всего его интересовала религиозно-реформаторская деятельность Цзонхавы, которого тибетские историки считают основоположником ламаизма. Тубянский подготовил исследование «Ламрима» Цзонхавы, с переводом, комментариями и словарными указателями. Интересовали Тубянского и более поздние этапы ламаизма; он перевел и прокомментировал сочинения тибетского автора XIX в. Джедоринкхампо «Реформационное движение в ламаизме» и «Сущность Цама»⁶². Важное значение для исследования истории тибетской литературы и тибетского буддизма имел его перевод труда Сумпакханпо «Хронология буддизма в Индии, Тибете и Монголии». Почти все перечисленные работы Тубянского относятся к монгольскому периоду его деятельности и остались в Улан-Баторе. Лишь немногое из переводов с тибетского, выписок, словарных списков и индексов сохранилось в фонде Тубянского в АВ⁶³.

В ЛО ААН хранится написанный рукою Тубянского проект большой работы «История освободительной борьбы ки-

⁶² Названия взяты из списка трудов, составленного братом Тубянского, не востоковедом по специальности (АВ, ф. 53, оп. 1, № 51), и в настоящее время раскрыты быть не могут.

⁶³ АВ, ф. 53, оп. 1, № 50. Здесь, в частности, хранятся: 1) перевод главы «О материалистах» из тибетского сочинения «Дубта-ченмо»; 2) отрывок из сочинения Джедоринкхампо «Танец хранителей веры», перевод с тибетского; 3) «Цангма». Выписка из тибетского текста и перевод; 4) каталог (dka-g-spag) сочинений Рин-хяна (с указанием места и времени издания); 5) набросок списка источников для индекса тибетских авторов.

тайцев, монголов и тибетцев против маньчжурского ига»⁶⁴. Работа была задумана как коллективное исследование и включена в десятилетний план работ ИВ на 1938—1949 гг. В 1938 г. в план Индо-тибетского кабинета предполагалось включить разработку раздела «Антиманьчжурское движение в Тибете в XVII—XIX вв.». В проспекте Тубянский перечислил тибетские материалы, которые он собирался привлечь для исследования.

О другой теме, которой предполагал заняться Тубянский, мы узнаем из проспекта серии «Библиотека индо-тибетика» и его обоснования, написанного Щербатским⁶⁵. В Монголии Тубянский обнаружил санскритский текст произведения Чатухстава, которое раньше считалось утерянным. В 1932 г. этот текст был прислан в издательство АН, но так и не был опубликован. Для «Библиотеки индо-тибетика» Тубянский должен был подготовить санскритский и тибетский тексты Чатухстава с переводом, комментариями и исследованием. Этим планам не суждено было осуществиться.

Одной из талантливых фигур в советской тибетологии был А. И. Востриков (1904—1942). Он окончил Общественно-педагогическое отделение Факультета общественных наук ЛГУ в 1924 г. и через два года был зачислен практикантом в АМ. С 1928 г. Востриков одновременно работал в ИНБУКе, исполняя обязанности сначала секретаря по Тибету, а затем также и ученого секретаря всего института. В 1929 г. в АМ он был избран научным сотрудником II разряда. С ликвидацией ИНБУКа и реорганизацией АМ Востриков был принят 1 октября 1930 г. на должность ученого хранителя в ИВ, а в 1932 г. получил звание старшего ученого специалиста. Почти вся научная деятельность Вострикова проходила в Индо-тибетском кабинете под руководством Щербатского. Долгое время он исполнял обязанности ученого секретаря кабинета, а в 1937 г., когда в кабинете были созданы Тибетская и Индийская группы, стал руководителем Тибетской группы. Востоковед широкого профиля, он был в равной степени и тибетологом, и индологом (в том числе и санскритологом), и монголистом (в частности, специалистом по бурятскому языку и истории Бурятии). Но особенно активно работал Востриков в области тибетологии. С 1928 по 1932 г. он пять раз был в командировках в БМ АССР для изучения дацанов, их быта, буддизма как религии и как философского учения. Из этих поездок Востриков привез огромное количество тибетских рукописей и ксилографов, большинство из которых было передано в ИВ. Очень тщательно собирал

⁶⁴ Ф. 152, оп. 1 (1937), № 41, л. 21.

⁶⁵ Там же, № 41, лл. 13—16.

Востриков и личную библиотеку, которая, по словам Щербатского, представляла собой «ценность совершенно исключительную»⁶⁶.

О научной деятельности Вострикова сохранилось сравнительно немного данных. Лишь небольшая часть того, что он написал, была опубликована при его жизни, остальное составляли рукописи. Все рукописи и материалы Востриков хранил дома, и в АВ они не попали. Очерк о трудах Вострикова, предпосланный вышедшей в 1962 г. его книге «Тибетская историческая литература», к сожалению, не только весьма краток, но и страдает рядом неточностей. Единственный возможный в настоящее время путь восстановления научной биографии Вострикова — это архивные материалы Индо-тибетского кабинета ИВ.

В делах кабинета за 1937 г.⁶⁷ хранится отчет о работах сотрудников кабинета с 1931 по 1937 г., согласно которому были опубликованы следующие работы Вострикова: 1) статья «К библиографии тибетской литературы» (русский текст и английский перевод)⁶⁸, 2) статья «The Nyāyavārtika of Uddyotkara and the Vādanūyā of Dharmakīrti»⁶⁹, 3) монография «Летопись баргузинских бурят»⁷⁰, 4) статья «С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета»⁷¹, 5) статьи «Тибетская литература» и «Тибетский язык» для Литературной Энциклопедии и статья «Тибетский театр» для Театральной Энциклопедии (не опубликована).

К этому списку может быть добавлена монография «Тибетская историческая литература», вышедшая в свет в 1962 г., — важнейшая из работ Вострикова по тибетологии и одновременно единственное сводное исследование по данному вопросу.

Из неопубликованных, но готовых к изданию работ в отчете указаны: 1) «Тибетские хронологические таблицы» (тибетский текст), 2) перевод одного из основных сочинений по истории философии — ньяявартика-татпарьятика-парашуддхи. 3) «Logic of Vasubandhu», рукопись, 27 печ. л., отправлена для напечатания в Индию (судьба ее неизвестна), 4) «Table of Logical Reasons by Dignaga» — издание тибетского и монгольского текстов и исследование.

⁶⁶ Письмо Щербатского директору ИВ проф. А. П. Баранникову (без даты); см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1938), № 47, л. 21.

⁶⁷ Там же, оп. 1 (1937), № 41, лл. 4—8.

⁶⁸ Русский текст напечатан: БВ, вып. 2—4, Л., (1933) 1934, стр. 19—45; английский текст: «Some Corrections and Critical Remarks on Dr. J. van Manen's «Contribution to the Bibliography of Tibet», — BSOS, VIII, 1935, стр. 51—76.

⁶⁹ ИИУ, 1935, vol. XI, № 1, стр. 18—35.

⁷⁰ «Материалы по истории бурят-монголов», — ТИВАН, т. I, 1935.

⁷¹ ЗИВАН, т. IV, 1935, стр. 59—81.

Как известно, Индо-тибетский кабинет ИВ возник одновременно с реорганизацией АМ в 1930 г. Ему были переданы из ИНБУКа все материалы и сотрудники вместе с их темами и планами. Кабинет начал функционировать в следующем составе: заведующий — акад. Ф. И. Щербатской, штатные сотрудники — А. И. Востриков и Б. В. Семичов, научный сотрудник по совместительству — акад. С. Ф. Ольденбург, сотрудник по договорам — Е. Е. Обермиллер. Сотрудники кабинета были одновременно и индологами и тибетологами, в кабинете велись коллективные исследования, в которых принимал участие весь состав кабинета. Деятельность кабинета протекала в трех направлениях: научные исследования и работа над составлением словарей, разбор и описание тибетских ксилографических материалов, составление рабочей библиографии.

До 1932 г. включительно сотрудники ежегодно получали командировки или участвовали в экспедициях в БМ АССР. В 1931 г. в Агинский дацан выезжала целая группа сотрудников: Щербатской, Востриков, Семичов. Обработка материалов, привозимых из этих поездок, также входила в план научных исследований кабинета.

В 1930 г. в план работы кабинета были включены следующие темы по тибетологии, работа над которыми продолжалась и в последующие годы.

1. Составление грамматики тибетского языка. Эта тема была продолжением работы, начатой Востриковым и Щербатским в ИНБУКе. Согласно плану грамматика должна была состоять из двух частей: ч. I, Литературный язык (Щербатской), ч. II, Разговорный язык (Востриков). В дальнейшем тема выпала из планов и отчетов кабинета, и проследить за этапами ее исполнения трудно. По-видимому, в начале 30-х годов были написаны основные разделы грамматики, но она осталась незавершенной. В 1938 г. Щербатской снова включил в план работу над грамматикой. В отчетах и планах за 1938—1941 гг. значится тема — редактирование и подготовка к печати научной грамматики тибетского языка (общим объемом до 30 авт. л.). Весной 1941 г. грамматика была завершена и сдана в издательство. Есть сведения, что текст ее был набран, но началась война, набор, видимо, был рассыпан, а рукопись и верстка затеряны. Зимой 1966/67 г. экземпляр верстки грамматики был случайно найден в одной из типографий Москвы, но в ИНА не был возвращен. В 1937 г. в Индо-тибетский кабинет были представлены на обсуждение три статьи по грамматике тибетского языка, написанные по договору сотрудником Китайского кабинета А. А. Драгуновым: «Тибетско-китайские языковые параллели»⁷², «Про-

⁷² Не опубликована.

исхождение тибетских префиксов»⁷³, «Критическое обозрение европейской литературы по тибетской лингвистике»⁷⁴.

2. Составление истории тибетской литературы, сбор материалов по исторической тибетской литературе; обработка курса тибетской литературы, читанного Востриковым в ЛГУ в 1929—1930 гг.; составление хрестоматии по тибетской светской литературе (со словарем). Эта тема числилась в планах Вострикова в течение всего периода его пребывания в институте. В 1931—1932 гг. Востриков занимался выборкой материалов по истории тибетской литературы из хронологических таблиц 1-го Джамьян-шадпы Нгагбанг-дзондую (1648—1722). В 1932 г. им была подготовлена статья «Библиография тибетской литературы». В 1933 г. в план Вострикова было включено исследование таблиц Нгагбанг-дзондую («Хронологические таблицы по истории Тибета и истории тибетской литературы»), состоящее из двух частей — тибетский текст (исполнители Востриков и Барадийн) и введение, перевод, именной указатель (с использованием тибетских исторических сочинений, исполнитель Востриков). В 1936 г. тема была завершена, но исследование осталось неопубликованным, и судьба его неизвестна. В 1936—1937 гг. Востриков завершил монографию, посвященную тибетской исторической литературе. Книга, как было указано выше, вышла в свет только в 1962 г.

Тибетской исторической литературой занимался также Обермиллер. В 1930—1931 гг. он прорабатывал тибетские исторические источники (следуя указаниям «Голубых книг»), изучал индийские источники по тибетской историографии (по Манджушримулатантра).

В 1936 г. к изучению важнейших исторических источников приступила Н. П. Ярославцева (позднее Вострикова). В 1936—1938 гг. она планировала подготовку к изданию памятника тибетской исторической литературы «Генеалогия царей» (гэ-раб) 5-го Далай-ламы (издание текста с переводом и исследованием — кандидатская диссертация), но тема не была завершена.

Хрестоматия по тибетской литературе, насколько известно, не была завершена, хотя в 1936 г. она снова была включена в план работы кабинета («Сборник избранных произведений тибетской художественной литературы и поэзии», ок. 25 печ. л., исполнители Щербатской, Востриков, Ярославцева, Чернов, Барадийн и др.).

3. Составление тибетского словаря.

В 1930—1932 гг. росписью текстов и составлением словарных карточек занимались почти все сотрудники кабине-

⁷³ Статья опубликована под названием «Особенности фонологической системы древнетибетского языка», — ЗИВАН, VII, 1939, стр. 284—289.

⁷⁴ Не опубликована.

та. В основу словаря первоначально были положены материалы, готовившиеся в ИНБУКе Востриковым, Обермиллером и Семичовым. В ИВ Обермиллер и Семичов были заняты росписью тибето-монгольских и тибето-тибетских толковых словарей. Востриков разносил на карточки англо-тибетский словарь разговорного языка Ч. Белла. В 1933 г. роспись источников для словаря была временно прекращена, так как сотрудники подготавливали к изданию Артхашастру, составляли терминологический словарь к ней и т. п. В 1935 г. для росписи текстов и составления карточек словаря на договорных началах был привлечен Д. Ц. Цыденов. В том же году в кабинет были приняты молодые тибетологи Н. П. Ярославцева и Дугаров, а также аспирант Г. К. Папаян, которые стали работать над словарем. К 1938 г. планировалось подготовить к изданию тибетско-русско-английский словарь, отражающий прежде всего лексику современного языка, объемом около 35 печ. л. Основная часть работы над словарем выполнялась Ярославцевой; Цыденов занялся сбором терминологических материалов для толкового тибетского словаря. Пришедшая в 1937 г. в кабинет Е. Н. Козеровская расписывала тексты «Дзан-луна» для словаря классического языка. К 1938 г. почти вся словарная работа была прекращена, так как в кабинете из тибетологов осталась одна лишь Козеровская.

29 января 1938 г. дирекция института предложила кабинету разработать новый проект словаря. Проект был подготовлен Щербатским и Козеровской при участии сотрудника Монгольского кабинета Б. И. Панкратова. В нем значилось: «Ввиду небольшого числа сотрудников условно считать срок выполнения 5 лет. Характеристика словаря: практический учебный словарь. Объем: принять за основу словарь Ешке, добавляя материал словаря Даса. Использовать индексы Владимирцова, Обермиллера, Веллера». Работу над словарем вела одна Козеровская. В результате в 1939 г. Щербатской, который к этому времени уже не мог принимать активного участия в работах кабинета, подал в дирекцию докладную записку, в которой указывал, что «составление тибетско-русского словаря, начатое по плану в 1938 г., — мероприятие нереальное: 1) в осуществлении работы принимает участие один сотрудник — Козеровская, 2) работа состоит в переписывании карточек уже готового словаря. Дальнейшие перспективы работы неясны». В 1940—1941 гг. работа над словарем фактически прекратилась. Картотеки, явившиеся плодом многолетней работы сотрудников кабинета, за годы войны были утрачены. В настоящее время в АВ хранится лишь несколько ящиков с росписью карточек словаря Белла, написанных рукою Ярославцевой.

4. В 1930—1932 гг. в план работы кабинета была вклю-

чена тема «Изучение естественных наук, медицины и фармакологии (в контакте с Ботаническим музеем)». Этой темой занимался Б. В. Семичов, который подготовил описание коллекции лекарственных растений Ботанического сада (250 номеров) и совместно с А. Ф. Гаммерман написал и опубликовал в «Сибирском сборнике» Ботанического сада статью «Описание коллекций тибетских лекарственных продуктов главного Ботанического сада АН». Одновременно Семичов готовил к изданию индекс тибетских лекарств по тибетским литературным источникам (в частности, по «Шел-пхрен», около 800 названий). В 1932 г. он закончил статью «Лекарственные растения Индии», которая не была опубликована. Помимо этой темы, а также словарной работы и обработки тибетских рукописей и ксилографов Семичов принимал участие в двух коллективных трудах кабинета: перевод Арташастры и перевод сборника палийских джатак. В его научные интересы входило также изучение буддийских философских текстов. Он подготовил к изданию санскритский и тибетский тексты философского трактата Кармасиддхи и его перевод на русский язык.

5. Изучение буддийских философских текстов, подготовка к изданию индийских и тибетских памятников. Над буддийскими философскими сочинениями работали все сотрудники кабинета. Самостоятельными исследованиями в области буддийской философии занимались Щербатской и Обермиллер. Щербатской в 30-е годы работал над несколькими темами: диалектический материализм и диалектический идеализм по тибетским источникам; буддийская логика⁷⁵. На 1936—1942 гг. были запланированы с участием Щербатского две темы: 1) исследование философии школы йогачаров, перевод основного трактата этой школы Мадхьянтавибханга (VIII в.) с комментариями, 2) издание текста (с переводом) одного из важнейших трактатов школы йогачаров — Махасанграха (автор Асанга), — совместно с Востриковым. Щербатской подготовил к изданию три части Мадхьянтавибханга, первая часть увидела свет⁷⁶, рукописи двух остальных в архиве Щербатского не обнаружены. Вторая тема не была осуществлена.

В издании памятников индийской и тибетской философии и истории философии активное участие принимал Востриков. В 1934 г. он планировал работу «Основные течения тибетской философии по сочинению Тугвана (1732—1802) «Дубта-Шелджимелон» (общий объем до 60 печ. л.). Работа должна была издаваться семью выпусками. Первый был подготовлен

⁷⁵ Th. I. Stcherbatsky, *Buddhist Logic*, vol. I, Leningrad, 1932.

⁷⁶ «*Madhyānta-Vibhanga*, Discourse on Discrimination between Middle and Extremes, Ascribed to Bodhisattva Maitreya and Commented by Vasubandhu and Sthiramati», М.—Л., 1936, (BB, XXX).

в 1934 г.; второй и часть третьего — в 1935 г.; часть третьего и четвертый — в 1936 г.; пятый, шестой и седьмой выпуски планировались на 1937—1940 гг. и не были завершены. Не было осуществлено и другое исследование, которое Востриков предполагал выполнить совместно с Н. А. Невским в 1937 г., — «Трактат Атиши Сатйадвайаватара „Введение в учение о двух истинах — абсолютной и относительной“ (тибетский и тангутский тексты, перевод, примечания, словарь)».

В 1936 г. Востриков и Щербатской начали подготовку к изучению знаменитого историко-астрологического трактата IX—X вв. Калачакра, санскритский и тибетский тексты которого предполагалось издать к концу 1938 г. Для издания были привлечены три рукописи этого произведения: санскритский текст, переписанный в Индии по заказу И. П. Минаева, и фотокопии с двух тибетских рукописей, хранящихся в Лондоне и Кембридже. Материалы, связанные с этой работой, в настоящее время в архиве Щербатского не обнаружены.

6. В планах кабинета 1932—1934 гг. значилась тема «Политико-экономический строй современного Тибета», которой занимался Востриков. В 1932 г. он начал сбор материалов по аграрному вопросу в Тибете. Им был прочитан доклад «Очерки аграрного вопроса в Тибете». В 1933 г. работа над темой продолжалась, и 25 февраля 1933 г. в Монгольском кабинете ИВ Востриков сделал доклад «О теократизме в Тибете». В результате нескольких поездок в БМ АССР у Вострикова накопился большой материал о деятельности дацанов и ламаизме в его современной форме, который он предполагал использовать в книге «Ламаизм и его классовая сущность» (книга не была написана). В 1934 г. тему по аграрному вопросу в Тибете пришлось снять ввиду невозможности осуществить командировку в Тибет для сбора материала.

Таковы основные направления работ по тибетологии, которые выполняли сотрудники кабинета в 1930—1941 гг.⁷⁷ Индо-тибетский кабинет ИВ был единственным научным учреждением в СССР, где занимались изучением Тибета. И несмотря на обширные и разносторонние планы и большой объем выполняемых работ, все время ощущался острый недостаток научных кадров. С увеличением числа сотрудников кабинета, работающих над исследованием проблем современной Индии, вставал вопрос о целесообразности разделения кабинета. Дискуссии по этому поводу развернулись уже в начале 30-х годов. Индо-тибетский кабинет все же оставался единым целым, хотя, по мнению Щербатского,

⁷⁷ В планах и отчетах кабинета за 1930—1934 гг. значатся две большие темы по индологии, в которых принимали участие все сотрудники кабинета, независимо от их специальных занятий: перевод Артхашастры под руководством Щербатского и перевод палийского сборника джатак под руководством Ольденбурга.

«единственная в мире по своей ценности коллекция материалов по Тибету (рукописей и ксилографов) делает возможным выделение Тибетского кабинета в самостоятельный»⁷⁸. В ноябре 1935 г. Востриков подал в дирекцию докладную записку о целесообразности разделения кабинета на Тибетский и Индийский. В записке говорилось: «Создание и существование единого кабинета было обусловлено недостатком соответствующего числа специалистов, а также тем обстоятельством, что отдельные работники сочетали в своем лице специалистов по санскритским и тибетским материалам. В настоящее время появились чистые индологи — Баранников, Бескровный, Чаттопадхья — и чистые тибетологи — Ярославцева, Папаян, Дуганов. Совместное существование индологов и тибетологов в пределах одного кабинета вело к двум нежелательным следствиям: 1) слабое развитие тибетоведения, и так отстающего звена, 2) преобладание буддийской тематики, которая только и может объединить индологов и тибетологов»⁷⁹.

В 1936 г. был создан Новоиндийский кабинет, куда перешли большинство индологов из Индо-тибетского кабинета, но последний продолжал существовать. В марте 1937 г. Индо-тибетский кабинет был разделен на Индийскую и Тибетскую группы. Руководителем Тибетской группы был назначен Востриков. Но к августу 1937 г. из восьми сотрудников и аспирантов остались лишь Щербатской и Козеровская.

В сентябре 1937 г. кабинет был пополнен индологами В. И. Кальяновым и М. А. Ширяевым. Щербатской отказался от руководства кабинетом, и кабинет фактически остался без руководителя до 1941 г. Почти все темы по тибетологии были сняты⁸⁰. Из докладной записки Щербатского, поданной им в 1939 г. в дирекцию ИВ⁸¹, видно, что работа «по обработке Тибетского фонда, начатая несколько лет тому на-

⁷⁸ Выше отмечалось, что в 1930 г. в кабинете работали Щербатской, Востриков, Семичов, Ольденбург (по совместительству) и Обермиллер (по договорам). Все пять были и индологами и тибетологами. В 1932 г. Семичов перешел в МАЭ, а в кабинет были приняты сотрудники-индологи: А. Мухарджи (зам. зав. кабинетом), М. Арронет, М. И. Кукс и В. М. Бескровный. Группа индологов в кабинете усилилась, новые сотрудники в основном занимались проблемами современной Индии. В 1933 г. в штат кабинета был привлечен проф. А. П. Баранников. В 1934 г. в составе кабинета работали Щербатской, Востриков, Баранников, Обермиллер, Бескровный, аспиранты Троицкий и Папаян, сотрудники по договорам Чаттопадхья и Дуганов.

⁷⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 31, лл. 39—41.

⁸⁰ Щербатской занимался подготовкой к изданию грамматики тибетского языка и переводом Мадхьянтавибханга, Козеровская — словарной и библиографической работой (см. выше историю составления тибетского словаря).

⁸¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1939), № 46, л. 15.

зад, прекратилась на полпути и в настоящее время мы имеем законченной лишь часть инвентарных книг». Карточного каталога нет, и тибетский фонд «не доступен для ознакомления лицам, желающим заниматься тибетской филологией». Щербатский просил дирекцию привлечь для каталогизации фонда студентов ЛГУ⁸². В планах и отчетах кабинета за 1939—1941 гг. нет никаких сведений о возобновлении работы над Тибетским фондом. Многочисленные поступления ксилографов в 20—30-х годах, составляющие две трети фонда, начали обрабатываться только в 1966 г. Ленинградская тибетология оказалась в критическом положении из-за отсутствия кадров.

Вопрос о кадрах неоднократно поднимался Щербатским и Востриковым еще с первых дней существования кабинета. В 1932 г. в Президиум АН впервые была подана докладная записка за подписями Щербатского и Вострикова о задачах Индо-тибетского кабинета⁸³. В записке отмечалось, что исследования по тибетологии разворачиваются очень медленно, хотя Тибет вызывает большой интерес в мире по ряду причин. Далее следовало предложение создать в одном из вузов кафедру тибетологии и ввести преподавание тибетского языка на кафедрах, готовящих специалистов смежных специальностей.

Сходная по содержанию докладная записка была подана в 1934 г. на имя НС АН СССР и председателя комитета по подготовке кадров акад. В. П. Волгина. Подготовка кадров была отмечена как главная задача и в перспективном плане работы кабинета на семилетие (1936—1942). В плане было указано, что «АН СССР располагает богатейшим в научном мире собранием тибетских рукописей и ксилографов. Труды наших прежних ученых — акад. Я. Шмидта, А. Шифнера и особенно Васильева наша Академия наук завоевала главенствующее положение в мировой тибетологии... главной задачей в области тибетоведения является подготовка новых кадров научных работников, способных ответить конкретным научным трудом на многочисленные и разнообразные проблемы современного и прошлого состояния Тибета и его культуры»⁸⁴. Преподавание тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ (на китайской кафедре) началось только с 1953 г., а прием на Тибетское отделение на этой кафедре впервые был проведен лишь в 1955 г.

1945—1968 гг. После окончания войны изучение Тибета

⁸² В 1939 г. для написания каталожных карточек были привлечены студенты ЛГУ И. С. Рабинович и И. Д. Серебряков. Весной 1940 г. после окончания ЛГУ Рабинович был принят в аспирантуру по тибетскому языку, но через 3 месяца мобилизован в РККА.

⁸³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33, лл. 41—52.

⁸⁴ Там же, оп. 1 (1936), № 34, лл. 2—9.

в стенах ИВ долгое время не могло возобновиться из-за отсутствия кадров. Тибетолог К. М. Черемисов⁸⁵, продолжавший обработку Тибетского фонда, не занимался научными исследованиями. Тибетский фонд оказался самостоятельной единицей, не входящей ни в один из кабинетов института. Положение не улучшилось и с возвращением из Китая Б. И. Панкратова, который 7 мая 1948 г. был зачислен старшим научным сотрудником в Сектор китайской филологии, а с 1 сентября того же года исполнял обязанности ученого секретаря Рукописного отдела. В обработке Тибетского фонда он не принимал участия.

После реорганизации ИВ в 1950 г. Черемисов перешел на работу в Москву; работа в Тибетском фонде совершенно прекратилась. Фонд фактически был законсервирован, пользоваться им стало невозможно из-за отсутствия хранилища.

Летом 1951 г. в Сектор восточных рукописей был принят на работу молодой сотрудник В. С. Воробьев-Десятовский (1928—1956), только что окончивший Восточный факультет ЛГУ по специальности индология. В университете Воробьев-Десятовский занимался тибетским языком под руководством Черемисова. В ИВ ему были поручены систематизация и описание многоязычных фондов индийских и центральноазиатских рукописных памятников. С этими материалами связано большинство научных трудов Воробьева-Десятовского. Можно выделить также его работы, касающиеся тибетских документов на дереве из района озера Лоб-Нор. Изучению этих документов Воробьев-Десятовский посвятил три статьи, которые по глубине и четкости решения различных исследовательских задач входят в число лучших работ в этой области⁸⁶.

Воробьеву-Десятовскому принадлежит заслуга возобновления преподавания тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ. В 1953 г. он начал вести курс тибетского языка

⁸⁵ Монголист по образованию, Черемисов начал заниматься тибетским языком у Вострикова и Щербатского; в годы войны работал в Улан-Удэ, где продолжал изучать язык. Был принят в ИВ в 1946 г. До 1946 г. К. М. Черемисов написал ряд статей по грамматике бурятского языка, издал словарь этого языка (12 тыс. слов) и подготовил тибетско-русский словарь — индекс к тексту «История буддизма» (1322) Бутона (географические названия, собственные имена, названия сочинений индийских и тибетских авторов) — 30 авт. л., а также издание текста хронологических таблиц 2-го Дзамджан-шадпы (1648—1722), но эти работы не изданы.

⁸⁶ В. С. Воробьев-Десятовский, Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым, — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 167—175; его же, Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор, — ЭВ, т. VII, 1953, стр. 70—76; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. VIII, 1953, стр. 77—85; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. X, 1955, стр. 68—72.

у китаистов, а с 1955 г. преподавал на вновь открытом Тибетском отделении китайской кафедры язык и введение в тибтологию. Воробьев-Десятовский проработал в ИВ всего пять лет, до июня 1956 г., однако именно с него началось возрождение тибтологии в стенах ИВ.

В сентябре 1956 г. К. М. Черемисов и Б. И. Панкратов по заданию администрации Рукописного сектора ИВ составили докладную записку о перспективах возрождения тибтологии в стенах института, в которой были перечислены тибетские памятники и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании. В этой же докладной записке был вновь поднят вопрос о приведении в порядок тибетского ксилографического и рукописного фонда.

В 1957 г. в СССР вернулся один из крупнейших тибетологов, Ю. Н. Рерих (1902—1960)⁸⁷, поселившийся в Москве и работавший в ИВ. Ленинградские тибтологи поддерживали с ним тесные научные контакты.

В настоящее время работа тибетологов ЛО связана прежде всего с разбором и описанием фонда тибетских рукописей и ксилографов, что входит в план Воробьевой-Десятовской и Савицкого. М. И. Воробьева-Десятовская занимается также исследованием грамматики тибетского языка VII—XI вв.⁸⁸ Л. С. Савицкий изучает тибетскую апокрифическую литературу (псевдоэпиграфы агиографического содержания)⁸⁹. Сотрудник китайского кабинета А. С. Мартынов занимается историей тибетско-китайских отношений при династиях Мин и Цин⁹⁰.

⁸⁷ Жизненный и научный путь Рериха подробно изложен в предисловии «Памяти Ю. Н. Рериха» (стр. 7—18) к его книге «Тибетский язык», написанном Г. М. Бонгард-Левинным и А. М. Пятигорским; см. также некролог: «Ю. Н. Рерих», — ПВ, № 3, 1960, стр. 338—339.

⁸⁸ См. статьи: М. И. Воробьева-Десятовская, Временные формы в тибетском глаголе VII—XI вв., — НАА, 1966, № 4, стр. 176—183; ее же, Сложные глагольные формы в тибетском языке VII—XI вв. (тезисы), — ПИКНВ, II, стр. 52—54.

⁸⁹ Л. С. Савицкий окончил в 1960 г. Отделение тибетской филологии Восточного факультета ЛГУ; см. его статьи: «Памятник тибетской апокрифической литературы „Кадам-легбам“ (XV в.)», — сб. «Восточная текстология» (в печати); «О некоторых особенностях тибетской литературы XIV—XVI вв.», — сб. докладов научной конференции «Жанры и стили литератур Дальнего Востока» (в печати); «Некоторые вопросы истории и датировки „Завещаний“ Сронгцзан-гампо (тезисы)», — ПИКНВ, III, стр. 26—28.

⁹⁰ А. С. Мартынов, китаист-филолог, в 1957—1960 гг. был аспирантом ЛО ИНА (руководитель Б. И. Панкратов), сейчас — сотрудник Китайского кабинета; см. его статьи: «О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (Предистория маньчжурского похода на Непал в 1792 г.)», — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 243—263; «О первых чеканках монеты в Тибете», — КСИНА, № 69, 1965, стр. 197—202; «Об одной специфической черте восточного государства», — сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 220—221.

Подводя итог почти 250-летней истории отечественной тибетологии, одной из старейших востоковедных дисциплин русской науки, можно с полным основанием сказать, что она прошла путь, богатый замечательными исследованиями языка, истории, философии и литературы «страны снегов» — Тибета, а также Центральной Азии.

Блестящая плеяда академиков (Я. И. Шмидт, А. А. Шифнер, В. П. Васильев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Шербатской) и их ученики своими трудами выдвинули русскую и советскую тибетологию на ведущее место в мире. После некоторого перерыва растут, хотя и весьма медленно, ряды тибетологов и качество их подготовки. Отечественная тибетология постепенно возвращается на ту позицию, которую она занимала в 20—30-е годы XX в. — время ее расцвета⁹¹. И залогом осуществления этого служит наличие в ЛО ИВ богатейшего и крупнейшего (среди европейских, американских и японских собраний) тибетского фонда рукописей и киелографов — хранилища целого ряда уникальных материалов тибетской письменной культуры.

⁹¹ На Восточном факультете ЛГУ преподает тибетский язык и литературу Б. И. Кузнецов (китаист-филолог, в 1956—1959 гг. — аспирант ЛГУ под руководством Б. И. Панкратова); он перевел XVIII глосу сочинения «Джалраб-салванмелонг» (Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», Л., 1961) и издал критический текст этого произведения (B. I. Kuznetsov, Rgyal rabs gsal ba'i me long. The Clear Mirror of Royal Genealogies. Tibetan Text in Transliteration with an Introduction in English, Leiden, 1966).

В БКНИИ СО АН СССР (Улан-Удэ), где имеется тибетский фонд (см. Б. Д. Дандарон, Описание тибетских рукописей и киелографов, Улан-Удэ, вып. I, 1960; вып. II, 1965), работает группа тибетологов: Б. В. Семичов, Р. Е. Пубаев, Б. Д. Дандарон, Бал-Доржи Бадараев, К. М. Герасимова.

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор З. Д. Кафельская
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор М. М. Фридкина
Корректоры В. М. Качеткова
и Г. В. Стругова

Сдано в набор 1/VI 1971 г.
Подписано к печати 18/II 1972 г.
А-05556. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 2
Печ. л. 37,25. Уч.-изд. л. 41,85
Тираж 2000 экз. Изд. № 2223. Зак. № 624
Цена 3 р. 16 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	2 сл.	ИРКА	ИРКСА
131	4 св.	ИБ	АВ
257	4 св.	1964	1954
257	13 сл.	прим. 111	прим. 75
285	5 сл.	АН	АМ
306	5 сл.	Paşo	Paşto
348	4 сл.	Аме Аухадэддин Энвери	Али Аухадэддин Энвери
349	9 сл.	E. D. Koss	E. D. Ross
403	7—8 св.	«Абу-л-Гази- Шаджара-и Тюрк»	Абу-л-Гази «Шаджара-и Тюрк»
477	6 сл.	géorglnnes	géorgiennes
500	2—3 сл.	Aegyptioruml	Aegyptiorum
584	26 св.	Джала Ал-е Ахмад	Джалад Ал-е Ахмад
585	19 св.	Исихама Дзюн- тарс	Исихама Дзюн- таро